

АРХИВ

К.В. Ворожихина

Борис Шлёцер о философии России начала XX века

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Публикация освещает период сотрудничества музыкального и литературного критика, переводчика и писателя Бориса Фёдоровича Шлёцера с критико-библиографическим отделом петербургской «политической, общественной и литературной» газеты либерального направления «Биржевые ведомости», которым с середины 1916 г. руководил А.Л. Волынский. В 1916 г. Шлёцер опубликовал в «Биржевых ведомостях» рецензии на сборник статей В.И. Иванова «Борозды и межи», на книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)» и С.Л. Франка «Предмет знания». Если сочинения Бердяева и Иванова вызвали критику автора рецензий, то книга Франка (наряду с работами Н.О. Лосского («Обоснование интуитивизма», «Введение в философию») и П.Б. Вышеславцева («Этика Фихте»)), согласно Шлёцеру, свидетельствует о новой тенденции в отечественной философии – повороте к онтологии и возрождению метафизики. Кроме этих статей в настоящей публикации представлены отклик на сборник Иванова «Родное и вселенское» и статья «Русская философская мысль», написанные Шлёцером в 1917–1918 гг. Они, по всей видимости, так и не появились на страницах издания, но сохранились в архиве Волынского (РГАЛИ, ф. 95). Статья Шлёцера о современной отечественной философии представляет собой обзор новейшей философской литературы – книг «Душа человека» С.Л. Франка, «Мир как органическое целое» Н.О. Лосского, «Метафизические предположения познания» кн. Е.Н. Трубецкого, «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и Человека» И.А. Ильина, а также сборник «Мысль и слово» под редакцией Г.Г. Шпета. Публикация проливает свет на неизвестные страницы интеллектуальной биографии Шлёцера.

Ключевые слова: «Биржевые ведомости», Б.Ф. Шлёцер, критика и библиография, русская философия, А.Л. Волынский, Н.А. Бердяев, В.И. Иванов, С.Л. Франк

Для цитирования: *Ворожихина К.В.* Борис Шлёцер о философии России начала XX века // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 2. С. 74–92.

Несмотря на то, что творческая деятельность Бориса Фёдоровича Шлёцера (Boris de Schloezer, 1881–1969) – музыковеда, литературного критика, мыслителя, писателя, переводчика русской литературы и философии на французский язык – «...представляет собой интереснейший опыт создания культурного моста между

Россией и зарубежьем, Россией и Францией»¹, она до сих мало известна и мало изучена как в России, так и за рубежом. Шлёцер сыграл значительную роль в знакомстве европейских читателей с сочинениями Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.С. Пушкина, Льва Шестова, В.В. Розанова и др. Эмигрировав в Париж в 1921 г., он на протяжении 40 лет занимался переводом сочинений русских классиков: им были переведены «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Шинель», «Нос», «Портрет» Гоголя, «Пиковая дама» Пушкина, «Записки из подполья», «Белые ночи» Достоевского, «Война и мир» Толстого, практически все сочинения Льва Шестова, «Апокалипсис нашего времени» Розанова и др. На сегодняшний день многие его переводы являются непревзойдёнными, а принципы его переводческой деятельности являются объектом исследования и изучения².

Парижский период деятельности Шлёцера относительно изучен. Анализу его сочинений в контексте философии русского зарубежья посвящена монография Г.-Б. Колер³. Шлёцер сотрудничал с французскими («La Revue Musicale», «La Nouvelle Revue Française») и русскими эмигрантскими изданиями («Современные записки», «Последние новости»). В 1923 г. в берлинском издательстве «Грани» вышла его книга «Скрябин. Личность. Мистерия»⁴ (единственная, написанная на русском языке); в 1929 г. было опубликовано сочинение об антипode А.Н. Скрябина – И.И. Стравинском («Igor Stravinsky»⁵, 1929). Результатом длительного «соавторства» с Гоголем в процессе переводческой деятельности и скрупулёзного изучения его творческой биографии стала книга «Nicolas Gogol»⁶ («Николай Гоголь», 1932). В 1947 г. вышла книга «Introduction a J.-S. Bach, essai d'esthétique musicale»⁷ («Введение в творчество И.С. Баха, опыт музыкальной эстетики», 1947), которая оказала влияние на молодых французских композиторов (в частности, Андре Букуришлиева) как работа, содержащая важные теоретические рассуждения о сериальной музыке. После войны Шлёцер начал интересоваться новыми явлениями в звуковых искусствах – электронной и конкретной музыкой, что нашло отражение в книге «Problèmes de la musique moderne»⁸ («Проблемы современной музыки», 1959), написанной в соавторстве с племянницей Мариной Скрябиной (Татьяна Фёдоровна, сестра Шлёцера, была второй женой Скрябина). В 1960-е гг. им были созданы два художественных произведения: фантастическая новелла «Rapport secret»⁹ («Секретный доклад»), вышедшая в 1964 г. в журнале «Mercure de France», и роман «Mon nom est personne»¹⁰ («Моё имя никто», 1969), затрагивавший проблему отношения автора и произведения, вымысла и реальности. Последним произведением Шлёцера, опубликованным посмертно, была переработанная книга о Гоголе «Nicolas Gogol, l'homme et le poète ou les frères ennemis»¹¹ («Николай Гоголь, человек и поэт, или заклятые друзья», 1972). Темой книги является конфликт между творческим, независимым и тираническим «мифическим я» – и личностью писателя, который с ужасом открывает, что «мифический» двойник творит вопреки ему. Идеи Шлёцера

¹ Биссон Б. Анализ взглядов Б. Шлёцера на перевод русской классики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2013. № 20. С. 224.

² См.: Биссон Б. Борис Фёдорович Шлёцер (1881–1969) как переводчик и посредник в русско-французских литературных контактах. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

³ Kohler G.-B. Boris de Schloezer (1881–1969): Wege aus der russischen Emigration. Köln, 2003.

⁴ Шлёцер Б.Ф. А. Скрябин. Личность. Мистерия. Т. 1. Берлин, 1923.

⁵ Schloezer B. de. Igor Stravinsky. Paris, 1929.

⁶ Schloezer B. de. Nicolas Gogol. Paris, 1932.

⁷ Schloezer B. de. Introduction a J.-S. Bach, essai d'esthétique musicale. Paris, 1947.

⁸ Schloezer B. de., Scriabine M. Problèmes de la musique moderne. Paris, 1959.

⁹ Schloezer B. de. Mon nom est personne // Pour un temps / Boris de Schloezer. Paris, 1981. P. 89–109.

¹⁰ Schloezer B. de. Nicolas Gogol, l'homme et le poète, ou les frères ennemis. Paris, 1972.

¹¹ Schloezer B. de. Mon nom est personne. Paris, 1969.

оказали влияние на представителей «женевской школы» литературной критики (среди них – Жан Старобинский, Жорж Пуле, Жан Руссе и др.), которые в противоположность традиционному биографическому методу Шарля де Сен-Бёва стремились выработать новый принцип интерпретации текстов, основываясь на русском формализме и феноменологии: они «выносили за скобки» внешние обстоятельства создания литературного произведения и стремились к имманентному прочтению текстов.

По сравнению со временем жизни в эмиграции период творческой деятельности Шлёцера в России остаётся в тени. Известно, что Шлёцер родился в Витебске «в семье немецких предпринимателей и государственных деятелей»¹² (его отец был мировым судьей) и был потомком известного немецкого историка, автора «норманнской теории» происхождения русской государственности, полемизировавшего с М.В. Ломоносовым, Августа Людвиг фон Шлёцера, а также Христиана Августовича Шлёцера – заслуженного профессора Московского университета. Борис Шлёцер учился в Бельгии и Франции: в Брюссельском университете проходил обучение на социологическом факультете и в 1901 г. защитил диссертацию о феномене эгоизма; в Парижской музыкальной академии изучал эстетику и теорию музыки¹³. Вернувшись в Россию, сотрудничал с журналами «Золотое руно», «Аполлон» и «Музыкальный современник», интересовался актуальными философскими направлениями и политическими движениями (в частности, марксизмом). Зимой 1918–1919 гг. в Киеве познакомился со Львом Шестовым.

Летом 1916 г. Шлёцер получил письмо от А.Л. Волынского (Флексера) с предложением о сотрудничестве с петербургской «политической, общественной и литературной» газетой либерального направления «Биржевые ведомости»¹⁴. Волынский, возглавлявший критико-библиографический отдел газеты с середины 1916 г., был известен своей пламенной «борьбой за идеализм»: он был одним из немногих (наряду с Вл.С. Соловьёвым), выступивших в 1890-е гг. против господствующего позитивизма и материализма¹⁵. Волынский резко критиковал деятелей 1860-х гг. за схематизм, нетерпимость и шаблонность, глухоту к откровениям высокого искусства и пренебрежение к философской проблематике и дал в перешедшем под его руководство «Северном вестнике» приют новому литературному направлению – символизму. Эстетическому утилитаризму, гуманизму и социализму он противопоставлял эстетизм, индивидуализм и необходимость «новой религиозной и нравственной работы»¹⁶; сторонник «идеалистической критики», он стал предтечей религиозно-философского возрождения начала XX в. В 1900-е гг. Волынский оставил сферу литературной критики и обратился к исследованию сценического (театр, балет) и изобразительного искусства; в 1910-х гг. он разрабатывал философию танца, которую пропагандировал на страницах «Биржевых ведомостей»¹⁷.

В 1916 г. Шлёцер опубликовал в отделе Волынского критические рецензии на сборник статей В.И. Иванова «Борозды и межи», книгу Н.А. Бердяева «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)» и сочувственную – на «Предмет знания» С.Л. Франка. Шлёцер отмечал, что несмотря на то, что Бердяеву как мистика открылась некая истина о человеке, философское движение мыслей и аргументация

¹² Биссон Б. Борис Федорович Шлёцер как посредник Л.И. Шестова для западного читателя // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 115.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 1.

¹⁵ См.: Шестов Л. Литературный сецессион (о журнале «Вопросы жизни», январь – июнь 1905) // Наша жизнь. 1905. № 160. С. 2–3.

¹⁶ Котельников В.А. Русский Агасфер: Аким Волынский как мыслитель и критик культуры. СПб., 2023. С. 72.

¹⁷ См.: Там же. С. 230.

в его сочинении отсутствуют. В рецензиях на сборники статей Иванова («Борозды и межи», «Родное и вселенское») он отчасти повторяет уже звучавшую критику в адрес поэта-мыслителя: в статье «Вячеслав Великолепный» Шестов, также откликаясь на выход сборника «Борозды и межи», обращал внимание на оторванность от действительности «миросозерцания» Иванова («Его идеи и мысли потому не имеют ровно никакой связи с тем, что принято называть обыкновенно действительностью, и живут своей собственной, независимой жизнью, рождаясь, умирая и воскресая в свои особенные, им судьбой положенные, сроки»¹⁸), на вычурность его литературного стиля, эстетизм, недосказанность, недоговорённость и др. Книга Франка стала для Шлёцера свидетельством «онтологического поворота» в современной философии и рождения «новой метафизики».

Несмотря на то, что осенью 1917 г. «Биржевые ведомости», как и другие буржуазные издания, были закрыты согласно Декрету о печати (от 27 октября (9 ноября) 1917 г.), в июне 1918 г. Шлёцер по просьбе Волынского, надеявшегося на возможность продолжения издания газеты¹⁹, пишет статью «Русская философская мысль» о «новых явлениях в философии»²⁰, представляющую собой обзор важнейших философских сочинений и книг, вышедших в 1916–1918 гг. Как бы продолжая размышления В.Ф. Эрнана об особенностях отечественной философии и её отличиях от западной, он отмечает тяготение к интуитивному познанию, презрение к рационализму и отвлечённой схоластичности, антикантианскую направленность, онтологизм, «предметность», а также нацеленность на абсолютную свободу, характерные для «молодой» российской философии; среди подстерегающих её опасностей критик выделяет возможную потерю связи с прошлым, хаотичность и дилетантизм.

Ниже публикуются рецензии Шлёцера, вышедшие в «Биржевых ведомостях», а также не появившиеся на страницах издания, но осевшие в фонде Волынского рецензия на сборник В.И. Иванова «Родное и вселенское» и статья «Русская философская мысль» (РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1042. Л. 1–2; Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1044. Л. 1–7). Помимо машинописи статей с правкой и подписью Шлёцера в архиве Волынского находится деловая переписка, касающаяся вопросов сотрудничества с критико-библиографическим и литературным отделами газеты. Выражаю глубокую признательность С.Н. Корсакову, любезно сообщившему об этих архивных материалах.

В квадратных скобках отражён первоначальный вариант текста, исправленный рукой автора, в угловых – уточнения, внесённые публикатором. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

¹⁸ Шестов Л. Соч.: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 244.

¹⁹ В конце 1917 г. – начале 1918 г. сотрудникам «Биржевых ведомостей» удалось наладить выпуск вечерних газет «Наши ведомости» (редактором выступил Л.И. Лигин) и «Новые ведомости» (издание выходило под редакцией Л.И. Гальберштадта, А.И. Гессена, Л.И. Лигина, Б.С. Оречкина, С.И. Охотского и др.). Газеты были закрыты в мае и августе 1918 г.

²⁰ Письмо Шлёцера 10 июня 1918 г. См.: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 4.

Приложение 1

<Рецензия на книгу:> Н. Бердяев. Смысл творчества (Опыт оправдания человека)¹

«В жизненном источнике этой книги заложено совершенно исключительное, царственное чувство человека (курсив подлинника), религиозное осознание Антропоса как божественного Лица»². Так в <о> введении к опыту оправдания человека сам автор характеризует своё произведение. Это – антропология. Но антропология религиозная, мистическая. Что есть Человек? «В Боге есть страстное томление и тоска по человеку<у>. В Боге есть трагический недостаток, который восполняется великой прибылью – рождением человека в Нём. Мистики учили о тайне рождения Бога в человеке. Но есть иная тайна, тайна рождения человека в Боге. Есть зов человека, чтобы Бог в нём родился, но есть и зов Бога, чтобы человек в Нём родился»³. Человек есть прибыльное откровение в Боге⁴. Лишь миф о тоске Божьей по человеку<у> и по любви человека приближает нас к последней тайне⁵. <И> Бог ждёт от человека антропологического откровения творчества...⁶ Откровение о человеке есть окончательное откровение о Троице...⁷ Через творчество человека окончательно открывается Бог в мире»⁸.

Все XIV глав этой книги вскрывают различные аспекты одной лишь этой мысли о творческой сущности человека, о божественно активной природе его. Но что есть творчество? На этот вопрос мы, в сущности, не найдём определённого ответа в книге Н.А. Бердяева. Чем не является творчество, об этом Н.А. Бердяев говорит достаточно определённо. «...не было ещё в мире религиозной эпохи творчества»⁹. Наша культура с её науками и искусствами не есть подлинное творчество, но только «намёк, знак, приготовление»¹⁰. Здесь мы ждём от автора раскрытия истинного смысла этих намёков и знаков, но – тщетно. Нельзя же удовлетворяться такими общими фразами, как: «...в творчестве <же> свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творение Божье»¹¹.

Не следует искать в книге Н.А. Бердяева какой-либо системы или построения. В ней нет, в сущности, логического развития мысли, нет движения, нет перехода от найденного, известного к неизвестному, ещё не вскрытому. Он иногда почти не доказывает и очень редко пытается аргументировать (попытки эти – самое неудачное, что есть в его книге). Он только утверждает, только констатирует. И так поступает он вполне сознательно. «Убеждает и заражает в философии совершенство формул, их острота и ясность, исходящий от них свет, а не доказательств и выводы»¹². И многие формулы Н.А. Бердяева кажутся в самом деле убедительными. Его короткие фразы обличают внутреннюю напряжённую силу,

¹ Публикуется по: Шлёцер Б.Ф. Н. Бердяев. Смысл творчества (Опыт оправдания человека) // Биржевые ведомости. 1916. № 15875. 21 октября. С. 5. Здесь и далее – примечания К.В. Ворожихиной.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916. С. 14.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Там же. С. 92.

⁷ Там же. С. 313.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 95.

¹⁰ У Бердяева: «То, что все называли творчеством, как бы ни было оно ценно и велико, то было лишь намёком на подлинное творчество, лишь знак, лишь приготовление» (С. 95–96).

¹¹ Там же. С. 94–95.

¹² Там же. С. 42.

несмотря на кажущуюся парадоксальность. В авторе чувствуешь истинного мистика. Он действительно нечто постиг и искренне, хотя и односторонне выразил своё настроение. Но сильные формулы не всегда имеются в распоряжении автора. Иногда Н.А. Бердяев ослабляет выражение своих мыслей ненужными повторениями. Мистик уступает место «литератору», и религиозный пафос его обращается в фразеологию.

Борис Шлёцер

Приложение 2

Новая метафизика (По поводу книги С. Франка «Предмет знания»)¹

Не присутствуем ли мы при возрождении метафизики как науки об истинно существе, как науки о бытии, независимом от сознания? Такой вопрос невольно возникает при чтении книги С. Франка «Предмет знания». Но исследование Франка не стоит ведь одиноко: достаточно указать, например, на вышедшую в Москве в 1914 г. книгу Вышеславцева «Этика Фихте»² и на работы Лосского: «Обоснование интуитивизма»³ и «Введение в философию»⁴. Эти исследования, подобно книге Франка, подходят, хотя и с большой осторожностью, к решению онтологической проблемы. Вышеславцев пишет о метафизике, устанавливающей первые противопоставления субъективного и объективного, идеального и реального, материального и психического. Лосский в результате своей работы приходит к онтологической логике, «изучающей самый состав истины» и потому предшествующей теории знания. Франк определённо указывает, что для него «нет теории знания вне онтологии»⁵. «Если знание по самому понятию своему есть знание предмета, то невозможно никакое исследование знания вне исследования предмета знания»⁶.

И дальше: «...не существует гносеологии как исследования “познания” вне исследования его предмета, а существует лишь единая наука, объемлющая единство знания и его предмета, <всё равно, будем ли мы называть> её “феноменологией”, “чистой логикой”, “основной наукой” или “онтологией”»⁷. Метафизическая тенденция, стремление выйти за пределы данного и построить учение об истинном бытии, существе независимо от сознания, всегда сильно было у нас, в России, и даже тогда, когда материализм, а позднее позитивизм всех толков праздновали самые шумные свои победы. Выдающимся метафизиком был Владимир Соловьёв, создавший целую школу, проникнутую онтологическими тенденциями. Достаточно назвать кн. С. и Е. Трубецких, Булгакова, Эрна, Бердяева. Но что отличает этих мыслителей от философов типа С. Франка или Вышеславцева, это тесная связь последних с немецким идеализмом.

Конечно, и московские религиозные мыслители – не наивные догматики: они вкусили от древа познания добра и зла и убеждения их прошли сквозь очищающий огонь гносеологической критики. Но путь развития их мысли проходит всё же мимо германского идеализма; они коснулись его, затем обошли и отвергли как нечто чуждое себе. Но Франк, Вышеславцев – истинные дети германской философской традиции. И в этом, мне кажется, особая ценность и значение молодой русской школы онтологов.

Действительно, германский идеализм может быть преодолён. Тому живой пример – исследование Франка, оригинальное и находящееся в тесной преемственной связи с немецкими великими системами, ими питающееся и через них соприкасающееся с Николаем Кузанским, с Платином и дальше ещё с Платоном.

¹ Публикуется по: Шлёцер Б.Ф. Новая метафизика (По поводу книги С. Франка «Предмет знания») // Биржевые ведомости. 1916. № 15889. 28 октября. С. 6.

² Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914.

³ Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма: Пропедевтическая теория знания. СПб., 1906.

⁴ Лосский Н.О. Введение в философию. СПб., 1911.

⁵ У Франка: «...нет “гносеологии” вне “онтологии”» (Франк С.Л. Предмет знания: об основах и пределах отвлечённого знания. Пг., 1915. С. V.)

⁶ Франк С.Л. Предмет знания. С. V.

⁷ Там же.

В связи с переживаемыми ныне событиями усилились и стали чаще повторяться и ранее раздававшиеся у нас по адресу германской мысли упреки и обвинения в рационализме, в иллюзионизме и даже в нигилизме. Нет сомнения, рационалистическая тенденция в немецкой философии очень сильна. В связи с этим в ней замечается уклон, с одной стороны, к субъективизму во всех его формах, с другой стороны – к тому, что так метко названо было панлогизмом: всё есть разум, и категории логики вскрывают бытие до конца. Что невыразимо в понятиях, то не существует вовсе, есть фантом, иллюзия. Несомненно, однако, что в германской философии властно звучат и противоположные мотивы, что ею провозглашаются и права интуиции (вспомним Шлегеля), и невыразимость бытия в рациональных терминах (не говоря уже о Канте, вспомним Фихте), и глубоко религиозный онтологизм: «Вместе с Шеллингом и поздним Фихте снимает Гегель великое отлучение от Абсолютного, наложенное на нас критицизмом. Объект философии тот же, что и объект религии: “Бог как истина, и Он один как Истина” (слова Гегеля)»⁸. Так пишет Вышеславцев. Но далее он продолжает: «за ним (т.е. за Гегелем) не пойдёт как за своим учителем современная философия, которая антирационалистична и антидогматична по своим стремлениям»⁹.

В этих словах очень метко выражен характер тех новых метафизических течений, типичным порождением которых является книга Франка «Предмет знания».

Франк вполне в духе германского идеализма хочет преодолеть познавательный индивидуализм и стремится к онтологизму, к раскрытию истинно сущего, подчёркивая при этом в своей попытке синтеза момент иррациональный как в самом процессе познания, так и в предмете знания. Выдвигая в теории познания значение иррационального, он в то же время не становится иррационалистом целиком. Ведь опасность эта уже существует ныне, когда, идя по стопам Бергсона, многие в борьбе против исключительной рационализации сознания и бытия перегибают палку в другую сторону и согласны признать за работой мышления лишь утилитарное значение. Правда, не всегда Франк удерживается на достигнутой высоте и подчас намечаемый им синтез, благодаря исключительному подчёркиванию момента интуитивного и иррационального, грозит стать неполным. Но характерной для всей его системы мне представляется именно данная им попытка гармоничного и полного синтеза.

В чём же состоит этот последний?

Истинная тема книги Франка – Абсолют. Наше знание питается Абсолютом. Предметом знания является в сущности всегда Всеединство и всякое частное знание есть частичное знание всеединства. Но как постигается всеединство? Интуицией. Интуиция всеединства лежит в основе отвлечённого знания при посредстве понятий. Но как возможно обладание предметом, предшествующее всякому обращению сознания на предмет? «...лишь при условии, <если> субъект и объект укоренены... в абсолютном бытии... на почве которого впервые возможна раздвоенность между познающим сознанием и его предметом»¹⁰. Этим определяется уже учение Франка о бытии, онтология его, в основе которой лежит гениальное учение Николая Кузанского об Абсолюте как совпадении противоположностей. Развивая эту мысль и попутно высказывая целый ряд ценных соображений, Франк ищет действительного синтеза. Подобно тому, как теория познания его стремилась объединить оба момента – интуитивное постижение и дискурсивное мышление, точно так же метафизика его хочет подняться над основными противоположностями рационального и иррационального, субъективного и объективного,

⁸ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. С. 189.

⁹ Там же.

¹⁰ Франк С.Л. Предмет знания. С. III–IV.

психического и материального, единства и множественности, времени и вневременности. Абсолют не может быть приравнен в отдельности ни к какому из членов этих противопоставлений.

Один из наших позитивистов¹¹, высказываясь о книге Франка, иронически подчёркивает, что, хотя один за другими все великие метафизические системы погибли, на развалинах их постоянно возводятся новые, которые обречены на ту же участь. Но современное состояние философии у нас, в России, и во всей остальной Европе и даже в Северной Америке обнаруживает ясно, что в действительности ни одно из великих учений прошлого не умерло. Развитие человеческой мысли подчинено правильному ритму: за периодами критики и скептицизма следуют периоды конструктивные. Тогда мы убеждаемся, что идеи великих метафизиков Гераклита, Парменида, Платона, Аристотеля, Плотина и др. – полны силы и значения. Освещая их построение с высоты современного знания, мы ведём вперёд волну, рождённую единой стихией вселенской философии.

Борис Шлёцер

---

¹¹ Вероятно, имеется в виду рецензия: <Без подписи>. С.Л. Франк. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания. Пг., 1915 // Русские записки. 1916. Кн. 6. С. 267–272.

Приложение 3

<Рецензия на книгу:> Вячеслав Иванов. Борозды и Межи (Опыты эстетические и критические)¹

От автора “Cor Ardens”², занимающего совершенно обособленное положение среди мыслителей и поэтов наших дней, всегда ждешь мудрых и красивых слов. Однако настоящий второй сборник его статей «Борозды и межи»³, появившийся <через> семь лет после первого «По звёздам», разочаровывает даже сочувственного читателя. Семь лет – срок не столь значительный; но значительна разница между этими двумя книгами. Сам автор утверждает, что он продолжает развивать единое миросозерцание, основы которого были намечены им уже раньше. По прочтении второго сборника хочется говорить о каком-то отрезвлении художника, словно умудрённого опытом, ставшего более сдержанным, в чём-то разочаровавшегося.

В первом сборнике статей Вячеслава Иванова нас пленяли смелые мысли, глубокий религиозный пафос, сочетание утончённого мастерства с богатством напряжённых, через край бьющихся чувств, мыслей и стремлений. Мастерства много и в этом втором сборнике; быть может, даже слишком много! Стиль значительно упростился, стал более ясным, спокойным. Зрелый мастер, он овладел вполне собою и сознательно ограничил себя. Но ограничил он и мысль свою: она сделалась осторожнее, осмотрительнее; быть может – более зрелой, зато беднее, проще. Отсюда какая-то недоговорённость, боязливость в самом главном, основном.

Высказанное в книге «По звёздам» мистическое учение о символе как связующем низшую реальность с высшей, обращается теперь в вульгарную теорию о символе, уподоблённом радуге, «вспыхнувшей между словом-лучом и влагою души, отразившей луч»⁴. Отсюда вывод: от характера нашего восприятия зависит символический характер произведения. Подобная теория, отрицающая за искусством творчество самодовлеющих ценностей, приводит к тому, что Вячеслав Иванов, семь лет назад утверждавший действительную мощь искусства, ныне подвергает это утверждение ряду ограничений и, в конце концов, испугавшись магизма, признаёт, что идеал теургического искусства недостижим: чудо может быть совершено, но не нашим искусством, не нашей красотой. Но каким искусством? Смутный ответ автора на этот вопрос свидетельствует во всяком случае о том, что Вячеслав Иванов всё ещё мечтает о чудотворном, действительном искусстве, но уже безнадежно.

Те же колебания и недомолвки улавливаются при рассмотрении проблемы синтеза искусств в статье о Чурлянисе, богатой, впрочем, отдельными глубокими замечаниями. Как прекрасны страницы об одиноких среди современной культуры личностях: таков был Чурлянис, который «по строгому судоговорению ареопага искусств не нашёл бы места ни в одном из них и поистине не знал бы, где ему преклонить голову»⁵. Таким же одиноким был и Ницше: «философ – не философ, поэт – не поэт, филолог-ренегат, музыкант без музыки и основатель религии без религии»⁶.

Не таков ли сам Вячеслав Иванов: для поэтов – скорее пророк, для философов – скорее художник, чем мыслитель, для ортодоксально верующих – жрец без Бога и без храма.

Борис Шлёцер

¹ Публикуется по: Шлёцер Б.Ф. Вячеслав Иванов. Борозды и межи (Опыты эстетические и критические) // Биржевые ведомости. 1916. № 15791. 9 сентября. С. 5.

² Иванов В.И. Cor Ardens. Ч. 1–2. М., 1911–1912.

³ Иванов В.И. Борозды и межи: Опыты эстетические и критические. М., 1916.

⁴ Иванов В.И. Борозды и межи. С. 149.

⁵ Там же. С. 336.

⁶ Там же. С. 336–337.

Приложение 4

<Рецензия на книгу:> Вячеслав Иванов. Родное и Вселенское¹

Под этим общим заглавием, многозначительным и обязывающим появился новый, третий по счёту, сборник статей Вячеслава Иванова. Статьи эти, в своё время печатавшиеся в различных журналах², охватывают годы войны и первый период русской революции.

Содержание сборника – очень разнообразное: политика, искусство, религия, философия... Но политика доминирует, и не только количественно: она именно придаёт всему сборнику известную цельность и своеобразный, я сказал бы – прагматический характер. Здесь перед нами Вячеслав Иванов впервые выступает не в образе созерцателя, теоретика искусства, поэта-мистика, но хочет он стать истолкователем событий, пытается вскрыть их тайный смысл, в них будущее прозреть и будущему этому указать пути. Религиозно понять и оправдать действительность, от нас требующую под угрозой немедленной гибели какого-то действительного ответа, – вот смысл и цель более или менее ясно осознанная этих статей – «Вселенское дело», «Славянская мировщина», «Россия, Англия и Азия», «Живое предание» и др.

Цель эта, однако, остаётся вовсе не достигнутой, и в окружающий нас мрак Вячеслав Иванов ни в силах кинуть ни одного луча. Уже давно отмечено было, что автор «Cor Argens» приемлет жизнь сквозь призму литературы: у него нет непосредственного восприятия действительности; он вовсе лишён того дивного дара, которым владеют все великие художники, дара прозрения в реальности высшей. Хотя об этом восхождении “a realia ad realibus”³ он повторно и красиво чрезвычайно говорит. Но нужен ему всегда материал уже другими обработанный, оформленный, кристаллизованный чужими усилиями, и лишь сквозь эти кристаллы ему дано бытие узреть и понять. По самой природе своей – критик, он жив только творчеством чужим, всегда – литератор, изредка, лишь мгновениями – художник.

Конечно, попытка его осмыслить войну и нашу революцию могла быть только неудачной. Здесь литератор и критик, хотя бы и столь умный, как Вячеслав Иванов – совершенно бессилён. Этот ум, и тонкий вкус, и эрудиция, и опытность литературная не спасли даже автора от банальности и общих мест. К чему сводится, например, содержание «Вселенского дела», как не к опротивевшему давно всем общему месту, противопоставляющему Германии – союзников, как тёмному царству Аримана – светлых легионов Ормузда... Правда, статья написана в 1914 г., но как характерно, что в такой момент Вячеслав Иванов, поэт, мистик, религиозный мыслитель, не мог подняться над уровнем всякого владеющего пером обывателя.

Конечно, литератор Вячеслав Иванов облекает эти мысли в пленительные, хотя и начинающие становиться однообразными, формы: весь религиозно-мистический аппарат налицо – и славянизмы, и специфическая сладость и благолепность стиля, стирающего все острые углы, скрадывающего логические скачки и словно ароматами окутывающего мысль, и цитаты из Священного Писания... Но за всеми этими прельстительными декорациями нет ничего; и пустоту эту внутреннюю ещё подчёркивает, напротив, иератическая, византийская, сказал бы я, пышность облачающих её фраз.

¹ Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1042. Л. 1–2.

² Статьи выходили в журналах «Русская мысль», «Народоправство», газетах «Биржевые ведомости», «Утро России», «Новое звено», «Луч правды» и литературном сборнике «Щит».

³ У Иванова: “A realibus ad realiora. Per realia ad realiora” (От реального к реальному. Через реальное к реальнейшему (лат.)) (Иванов В.И. Борозды и межи. С. 158).

Бессилие автора особенно ясно раскрывается в статьях, относящихся к первому, дооктябрьскому периоду революции: «Революция и народное самоопределение», «Маккиавелизм и мазохизм»... Здесь – полная растерянность, хотя искусно сплетённые фразы всё так же мерно, медленно, торжественно текут.

Вообще, по сравнению с предшествующими сборниками, и в особенности по сравнению с первым, «По звёздам»⁴, засилие фразы, и даже не фразы, но отдельного слова в последних статьях становится угрожающим: моментами кажется уже, что не мысль здесь определяет построение фразы и выбор слов, но последние, в уже привычных для автора, любимых им сочетаниях самым созвучием своим навязывают ему известный строй мыслей. Когда-то, в «Бороздах и Межах», Вячеслав Иванов очень метко разграничивал манеру, лицо и стиль и указывал, что «первое и легчайшее достижение для дарования самобытного есть обретение своеобразной манеры»⁵. Второе же достижение «есть обретение художественного лица»⁶, но для того, чтобы найти стиль, «необходимо уметь отказаться отчасти и от лица»⁷. Весь этот путь Вячеслав Иванов проделал до конца; но не присутствуем ли мы теперь при обратном процессе, не начинает ли он регрессировать [в манеру] от стиля к манере и не обращается ли уже эта манера в маньеризм?..

Борис Шлёцер

---

⁴ Иванов В.И. По звёздам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909.

⁵ Иванов В.И. Борозды и межи. С. 167.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Там же. С. 169.

Приложение 5

Русская философская мысль¹

Внимательный историк, которому в будущем придётся изучать нашу смутную эпоху, отметит, [без сомнения] вероятно, как одну их характерных её черт тот факт, что потрясшие страну до основания экономические и политические катастрофы сравнительно слабо очень отразились на творчестве русских мыслителей. События, следовавшие за Февральской революцией, поставили, конечно, их деятельности некоторые препятствия, но, скорее, внешнего характера... Затруднительность сношений с Западной Европой, ныне вовсе прекратившихся, длительный издательский кризис, несомненное ослабление в обществе интереса к философии и вообще к отвлечённому, теоретическому мышлению – эти обстоятельства, нет сомнения, повлияли отрицательно на русскую философскую литературу, но, преимущественно, в количественном отношении: оригинальных трудов по философии появилось очень немного у нас и новых переводных книг нет почти вовсе. Можно было ожидать, однако, гораздо худшего: полного паралича в России философского мышления. Но, приступая к изучению этих немногих сочинений и в них усматривая подлинное, живое и богатое содержание, с радостью вновь убеждаешься, что никакие внешние потрясения, как бы ни казались они нам, страдающим и больным, – катастрофическими, не в силах даже временно приостановить упорную работу самосознания человеческого духа. Работа эта за истекший год, год революции и анархии, принесла богатые плоды, и в царстве отвлечённой мысли произошли события, хотя и менее заметные, менее шумные, чем те, которые ежедневно волнуют и мучают нас, однако бесконечно более значительные по своему внутреннему содержанию.

Ещё сравнительно недавно участники одного философского сборника (Г.И. Челпанову)² сетовали на «александрийский» характер современной и, в частности, русской философии. Указывалось на то, что почти все философские работы сводятся ныне или к комментированию творческого наследия прошлого, или к исследованию частных, специальных вопросов, причём авторы пребывают постоянно среди «предпоследних» проблем и тщательно избегают, точно страшась своего бессилия, окончательных, обязывающих ответов.

В этих упреках есть, конечно, некоторая правда, поскольку речь идёт о западной, германской философии, но нам, русским, особенно опасаться «александрийства» не следует, я думаю: ведь это – болезнь старых, богатых культур, а мы ещё бедны. Русское мышление с его тяготением к интуиции, с его отвращением к “ratio”, презрением к школьной дисциплине, ощущаемой как стеснение, с его жаждой абсолютной свободы – подстерегает как раз противоположная опасность – потеря связей с прошлым, хаотичность и дилетантство. При наших условиях мудрую осторожность, скромность, некоторое недоверие к своим силам и любовное, пусть даже мелочное изучение созданий прошлого нужно оценивать высоко. Конечно, это – лишь школа, и на этом уровне остановиться нельзя; но обозрение русской литературы по философии за последние года обнаруживает ясно, что школа эта оказалась очень полезной: она не парализовала истинной оригинальной мысли, но дисциплинировала её и вооружила безукоризненной техникой.

¹ Публикуется по: РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1044. Л. 1–7.

² Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве (1891–1916). Статьи по философии и психологии. М., 1916. В сборнике были опубликованы статьи А. Щербины, А. Лосева, П. Блонского, П. Попова, Л. Салагова, И. Маркова, Г. Шпета, Ф. Березкова, А. Циреса, И. Дьякова, К. Корнилова, В. Экземплярского и др.

Передо мною лежат четыре книги, вышедшие в Москве в течение истекшей зимы и нынешней весны: С. Франка – «Душа человека»³, Н. Лосского – «Мир как органическое целое»⁴, кн. Е. Трубецкого – «Метафизические предположения познания»⁵, И. Ильина – «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и Человека»⁶. К этим четырём я хотел бы прибавить ещё сборник «Мысль и Слово» под редакцией Г. Шпета⁷, хотя крайне неровный и пёстрый по своему содержанию, но характерный очень для переживаемого русской философией момента.

Различны эти работы по темам своим, и по подходу авторов к этим темам, и по характеру в них выразившегося мышления, но есть между ними и общее нечто: единый дух животворит их; точки отправления этих мыслителей различны, пути их, быть может, нигде не встретятся, а где сойдутся они – там, возможно, не признав друг в друге союзников, – столкнутся и сразятся, но ищут они в сущности одного, стремятся к одной цели и, во всяком случае, есть у них общий противник – Кант.

Несмотря на поддержку, которое оно встретило в некоторых философских кругах, несмотря на страстную и талантливую подчас его пропаганду группами, объединившимися вокруг Московского ежегодника «Логос»⁸, кантианство и неокантианство во всех его формах остаётся [нашему] русскому сознанию чуждым, не может [здесь] у нас пустить глубоких корней, не развивается вовсе, не даёт новых ростков. Я не говорю уже о том [часто слепом] противодействии, которое оно встретило в близких к славянофильству кругах (достаточно вспомнить полемику В. Эрн⁹), но и там, где оно не столкнулось с определённо враждебными германскому мышлению политическими и религиозными воззрениями, идущее от Канта философское [движение] течение встретило лишь почтительное к себе отношение, интерес, внимание – и только. [Но] Одни прошли мимо [него] неокантианства, [изучив как бы снаружи] изучая его как бы извне, другие, хотя и восприняли более или менее его изнутри, но с тем, чтобы сквозь него пройти, выйти за пределы его и так или иначе – преодолеть.

Своей работе кн. Е. Трубецкой дал подзаголовок – «Опыт преодоления Канта и кантианства»; но, мне кажется, что вижу я эту надпись и на книге Лосского, и на труде Франка, на исследовании Ильина и даже сборнике Шпета. И если

³ Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. М., 1917.

⁴ Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М., 1917.

⁵ Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.

⁶ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М., 1918.

⁷ Мысль и слово. Философский ежегодник. <Вып. > I / Под ред. Г.Г. Шпета. М., 1917. В сборник вошли статьи Г. Шпета, М. Гершензона, Льва Шестова, П. Блонского, А. Лазарева, И. Румера, рецензии Е. Лундберга, Г. Шпета и А. Бачинского, а также обзор книг, вышедших в 1916 г.

⁸ «Логос. Международный ежегодник по истории культуры» был учреждён студентами и последователями Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера, Г. Риккерта и В. Виндельбанда, адептами нового русского западничества Б.В. Яковенко, С.И. Гессеном, Ф.А. Степуном и др. Журнал выходил под редакцией Гессена в издательстве «Мусaget» (позднее – в «Товариществе Н.О. Вольфа») в 1910–1914 гг.; он стал рупором германфильства и следовал в основном неокантианской философской традиции, дистанцируясь от других – «ненаучных» – направлений, в том числе русской религиозной философии.

⁹ Полемика В.Ф. Эрн с редакцией журнала «Логос» началась со статьи «Нечто о Логосе, русской философии и научности» («Московский еженедельник». 1910. № 29. С. 31–40; № 30. С. 29–40; № 31. С. 33–44; № 32. С. 33–42); затем острополемических статей «Борьба за Логос» (М: Путь, 1911). Апогеем германофобии Эрн является его знаменитая речь «От Канта к Круппу», произнесённая в начале Первой мировой войны (опубликована в сборнике статей «Меч и крест» (М., 1915. С. 20–34)). Эрн проблематизирует понятие русской философии и выделяет её характеристики (логизм, онтологизм, персонализм), отличающие её от западноевропейской мысли, которой, по его мнению, свойственны рационализм, меонизм, имперсонализм и иррелигиозность.

вспомнить наиболее выдающиеся произведения последних лет – например: «Предмет знания» Франка, «Этику Фихте» Вышеславцева и др., в которых так ярко выразилось стремление выйти на широкий простор метафизики, то ясно становится, что русская философия в лице целого ряда типичных своих представителей хочет прорваться к бытию, жаждет предметности, от гносеологии стремится к онтологии, от теории познания – к предмету познания, которого она хочет [быть] стать лишь описанием: «Философия должна быть точным выражением или адекватным явлением самого предмета... Философ должен заботиться только о верности предмету»¹⁰ (Ильин). Слова Франка «Нет гносеологии без онтологии»¹¹ и «Если знание по самому понятию своему есть знание предмета, то невозможно никакое исследование знания вне исследования предмета знания»¹² – эти слова становятся как бы лозунгом всей почти русской философской мысли. «Писались, указывает Ильин, трактаты о методе, а о предмете царило молчание. Люди, по превосходному выражению Зиммеля, все только рассматривали очки, вместо того, чтобы смотреть *в них*; все только чистили оружие вместо того, чтобы сражаться им»¹³. Но «слагается и крепнет обратное стремление... обнаруживается решение прорваться за пределы предпосылок, методологических допущений... к самому предмету»¹⁴. «Она (философия. – *Б.Ш.*) должна возродить и восстановить свой *метод*, – в смысле системы более или менее отчётливо расчленённых “понятий” или “правил”, а в смысле творческой, систематически осуществляемой интуиции, направленной на самый предмет. И тогда она, быть может, вновь осмелится признать себя особым, *универсальным* способом познания, *опытным* по существу и *метафизическим* по предмету...»¹⁵.

Острые этих мыслей направлено, в сущности, более или менее сознательно против кантианства во всех его формах, или, точнее, – против [в широком смысле слова] критицизма, понятого как стремление свести философию к учению о методе, как «панметодизм».

Отмечая тяготение современной мысли к учению Гегеля, Ильин указывает, что это тяготение «является само по себе показанием того, что <ей> необходимо что-то большее, чем то, что питало её доселе... Философия ... должна будет вновь найти доступ к научному знанию о сущности Бога и человека»¹⁶.

Несколько лет тому назад подобное утверждение прозвучало бы дерзким вызовом или мечтой наивной, но сегодня мы присутствуем уже при серьёзных, обоснованных попытках наметить те пути, которые могут именно привести к «знанию о сущности Бога и человека»¹⁷. Тому пример – исследования Лосского и Франка.

Показательна в особенности книга второго – «Душа человека», ибо Франк менее догматичен и стремится не столько к объяснениям и теоретизирующим истолкованиям фактов опыта, но к непосредственному описанию этого опыта. Предупредив читателя, что его работы – лишь опыт введения в философскую психологию и носит таким образом характер подготовительный, автор в действительности с большой смелостью и самостоятельностью, вполне оправдываемой дальнейшим изложением, кладёт основание науки о душе, о душе как целостном единстве, как некоем реальном бытии, как некоторой сущности, нисколько не предрешая, однако, вопроса о характере этой реальности.

¹⁰ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. VIII–IX.

¹¹ У Франка: «...нет “гносеологии” вне “онтологии”» (Франк С.Л. Предмет знания. С. V).

¹² Там же. С. V.

¹³ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. VIII.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. VIII.

¹⁶ Там же. С. IX–X.

¹⁷ Там же. С. X.

Франк лишь констатирует наличие её и затем возможно точнее описывает. Но тем самым он становится в прямую оппозицию ко всей современной научной эмпирической философии, которая в действительности отрицает реальность психеи и все изыскания свои базирует на той предпосылке, что душа есть лишь удобный термин для обозначения так называемых душевных явлений. Блестяще написанная, богатая меткими замечаниями книга Франка примыкает до некоторой степени к исследованиям, вышедшим из школы австрийского психолога Brentano; сказались на ней и некоторые воззрения Бергсона, но корни её погружены глубоко в средневековый платонический реализм.

Труд Франка есть попытка самопознания; работа Лосского – опыт миро- и Богопознания: «Мир как органическое целое» в чрезвычайно сжатой, почти конспективной форме развивает стройную и законченную спиритуалистическую систему бытия, примыкающую непосредственно к Лейбницу, а также к учению Владимира Соловьёва.

Работы кн. Е. Трубецкого и И. Ильина носят более специальный, узкий характер, но не менее показательны для современных философских настроений, ибо первая – хотя и пытается разрешить гносеологическую проблему, но базируется на определённом учении о предмете, на онтологии, что же касается исследования Ильина, то углублённое, своеобразное истолкование, которое он даёт учению Гегеля, должно представить, по собственной мысли автора, не только исторический интерес, но и предметно-догматический: «Гениальное создание служит как бы дверью для всякого, отыскивающего доступ к самому предмету, но надо суметь не загородиться этою дверью от предмета, а открыть её для себя и для других; открыть для того, чтобы начать борьбу за самостоятельный, подлинный опыт и за истинное, предметное знание»¹⁸. К такому знанию и устремляется ныне русская философия, сохраняя связь с теми течениями западноевропейской (преимущественно германской) мысли, которые работают над разрешением той же онтологической проблемы.

Борис Шлёцер

Список литературы

<Без подписи>. С.Л. Франк. Предмет знания. Об основах и пределах отвлечённого знания. Пг. 1915 // Русские записки. 1916. Кн. 6. С. 267–272.

Бердяев Н.А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916. 358 с.

Биссон Б. Анализ взглядов Б. Шлёцера на перевод русской классики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2013. № 20 (121). С. 224–233.

Биссон Б. Борис Фёдорович Шлёцер (1881–1969) как переводчик и посредник в русско-французских литературных контактах. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.

Биссон Б. Борис Фёдорович Шлёцер как посредник Л.И. Шестова для западного читателя // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 2. С. 114–126.

Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1914. 455 с.

Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве (1891–1916). Статьи по философии и психологии. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. 425 с.

Иванов В.И. Cog Argdens. Ч. 1–2. М.: Скорпион, 1911–1912. [Ч. 1]. 234 с.; Ч. 2. 232 с.

Иванов В.И. Борозды и межи: Опыт эстетические и критические. М.: Мусaget, 1916. 351 с.

Иванов В.И. По звёздам: Статьи и афоризмы. СПб.: Оры, 1909. 440 с.

Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. Т. 1. 300 с.; Т. 2. 356 с.

Котельников В.А. Русский Агасфер: Аким Вольнский как мыслитель и критик культуры. СПб.: Владимир Даль, 2023. 509 с.

¹⁸ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 1.

Лосский Н.О. Мир как органическое целое. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. 170 с.

Лосский Н.О. Введение в философию. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1911. IV, 275 с.

Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма: Пропедевтическая теория знания. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1906. VIII, 368 с.

Мысль и слово. Философский ежегодник / Под ред. Г.Г. Шпета. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. <Вып.> I. 224 с.

РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1042. Л. 1–2.

РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 1044. Л. 1–7.

РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 917. Л. 1.

Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания: Опыт преодоления Канта и кантианства. М.: Путь, 1917. 335 с.

Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. VIII, 252 с.

Франк С.Л. Предмет знания: об основах и пределах отвлечённого знания. Пг.: Тип. Р.Г. Шредера, 1915. XII, 504 с.

Шестов Л. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. 667 с.

Шестов Л. Литературный сецессион (о журнале «Вопросы жизни», январь – июнь 1905) // Наша жизнь. 1905. № 160. С. 2–3.

Шлёцер Б.Ф. Вячеслав Иванов. Борозды и межи (Опыты эстетические и критические) // Биржевые ведомости. 1916. № 15791. 9 сентября. С. 5.

Шлёцер Б.Ф. Н. Бердяев. Смысл творчества (Опыт оправдания человека) // Биржевые ведомости. 1916. № 15875. 21 октября. С. 5.

Шлёцер Б.Ф. Новая метафизика (По поводу книги С. Франка «Предмет знания») // Биржевые ведомости. 1916. № 15889. 28 октября. С. 6.

Boris de Schloezer on the Early 20th Century Russian Philosophy

Ksenia V. Vorozhikhina — Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gonchamnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

The publication highlights the period of cooperation between the music and literary critic, translator and writer Boris Fedorovich Schloezer with the critical and bibliographic department of the St. Petersburg “political, social and literary” liberal newspaper “Birzhevye Vedomosti”, which from the middle of 1916 was headed by A.L. Volynsky. In 1916 Schloezer published reviews of a collection of articles by V.I. Ivanov “Furrows and Boundaries”, on the books of N.A. Berdyaev “The Meaning of Creativity (The Experience of Justifying Man)” and S.L. Frank “The Subject of Knowledge”. If the works of Berdyaev and Ivanov provoked criticism of the author of the reviews, the book of Frank (along with the works of N.O. Lossky (“Justification of Intuitionism”, “Introduction to Philosophy”) and P.B. Vysheslavtsev (“Ethics of Fichte”)), according to Schloezer, testifies to a new trend in Russian philosophy – a turn towards ontology and the revival of metaphysics. In addition to the published articles this publication presents a response to Ivanov’s collection “Native and Universal” and the article “Russian Philosophical Thought”, written by Schloezer in 1917–1918. They, apparently, never appeared on the pages of the newspaper, but were preserved in the Volynsky archive (RSALA, fund 95). Schloezer’s article on modern Russian philosophy is a review of the latest philosophical literature: S.L. Frank’s “Man’s Soul”, N.O. Lossky’s “The World as an Organic Whole”, E.N. Trubetskoy’s “Metaphysical Assumptions of Cognition”, I.A. Ilyin’s “Philosophy of Hegel as the Doctrine of the Concreteness of God and Humanity”, as well as the collection “Thought and Word” edited by G.G. Shpet. The publication sheds light on the unknown pages of Schloezer’s intellectual biography.

Keywords: “Birzhevye Vedomosti”, Boris de Schloezer, criticism and bibliography, Russian philosophy, A.L. Volynsky, N.A. Berdyaev, V.I. Ivanov, S.L. Frank

For citation: Vorozhikhina, K.V. Boris Shloetser o russkoy filosofii nachala 20 veka [Boris de Schloezer on the Early 20th Century Russian Philosophy], *Otechestvennaya filosofiya [National Philosophy]*, 2023, Vol. 1, No. 2, pp. 74–92. (In Russian)

References

<No signature>. “S.L. Frank. Predmet znaniya. Ob osnovakh i predelakh otvlechnogo znaniya. Petrograd, 1915” [S.L. Frank. Subject of Knowledge. On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge. Petrograd, 1915], *Russkie zapiski*, 1916, No. 6, pp. 267–272. (In Russian)

Berdyayev, N.A. *Smysl tvorchestva (Opyt opravdaniya cheloveka)* [The Meaning of Creativity (The Experience of Justification of Man)], Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publ., 1916. 358 pp. (In Russian)

Bisson, B. “Analiz vzglyadov B. Shletsera na perevod russkoi klassiki” [Analysis of Schloezer’s Views on the Translation of Russian Classics], *RSUH/RGGU Bulletin*, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, 2013, No. 20 (121), pp. 224–233. (In Russian)

Bisson, B. *Boris Fedorovich Schloezer (1881–1969) kak perevodchik i posrednik v rusko-frantsuzskikh literaturnykh kontaktakh. Dis. ... kand. filol. nauk* [Boris Fedorovich Schloezer (1881–1969) as a Translator and Mediator in Russian-French Literary Contacts: Dis. ... of a Candidate of Philological Sciences]. Moscow, 2022. (In Russian)

Bisson, B. “Boris Fedorovich Shletser kak posrednik L.I. Shestova dlya zapadnogo chitatatelya” [Boris Fedorovich Schloezer as Mediator of Lev Shestov for the Western reader], *RSUH/RGGU Bulletin*, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series, 2020, No. 2, pp. 114–126. (In Russian)

Frank, S.L. *Dusha cheloveka: Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [Man’s Soul: An Introductory Essay in Philosophical Psychology]. Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publ., 1917. VIII, 252 pp. (In Russian)

Frank, S.L. *Predmet znaniya: Ob osnovakh i predelakh otvlechnogo znaniya* [The Subject of Knowledge: On the Foundations and Limits of Abstract Knowledge]. Petrograd: R.G. Shreder Publ., 1915. XII, 504 pp. (In Russian)

Georgiyu Ivanovichu Chelpanovu ot uchastnikov ego seminariev v Kieve i Moskve (1891–1916). *Stat’i po filosofii i psikhologii* [To George Ivanovich Chelpanov from the Participants of His Seminars in Kyiv and Moscow (1891–1916). Articles on Philosophy and Psychology]. Moscow: A.I. Mamontov Publ., 1916. 425 pp. (In Russian)

Ivanov, V.I. *Borozdy i mezhi: Opyty esteticheskie i kriticheskie* [Furrows and Boundaries: Aesthetic and Critical Experiments]. Moscow: Musaget Publ., 1916. 351 pp. (In Russian)

Ivanov, V.I. *Cor Ardens*. Vol. 1–2. Moscow: Skorpion Publ., 1911–1912. [Vol. 1]. 234 pp.; Vol. 2. 232 pp. (In Russian)

Ivanov, V.I. *Po zvezdam: Stat’i i aforizmy* [By the Stars: Articles and Aphorisms.]. St. Petersburg: Ory Publ., 1909. 440 pp. (In Russian)

Il’in, I.A. *Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka* [Philosophy of Hegel as the Doctrine of the Concreteness of God and Humanity]. Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publ., 1918. Vol. 1. 300 pp.; Vol. 2. 356 pp. (In Russian)

Kotel’nikov, V.A. *Russkii Agasfer: Akim Volynskii kak myslitel’ i kritik kul’tury* [Russian Ahasuerus: Akim Volynsky as a Thinker and Critic of Culture]. St. Petersburg: Vladimir Dal’ Publ., 2023. 509 pp. (In Russian)

Losskii, N.O. *Mir kak organicheskoe tseloe* [The World as an Organic Whole]. Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publ., 1917. 170 pp. (In Russian)

Losskii, N.O. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1911. IV, 275 pp. (In Russian)

Losskii, N.O. *Obosnovanie intuitivizma: Propedeuticheskaya teoriya znaniya* [Justification of Intuitionism: Propaedeutic Theory of Knowledge]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich Publ., 1906. VIII, 368 pp. (In Russian)

Mysl’ i slovo. Filosofskii ezhegodnik [Thought and Word. Philosophical Yearbook.], ed. G.G. Shpet. Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publ., 1917. Vol. 1. 224 pp. (In Russian)

RSALA, fund 95, inventory 1, storage unit 1042, sheets 1–2.

RSALA, fund 95, inventory 1, storage unit 1044, sheets 1–7.

RSALA, fund 95, inventory 1, storage unit 917, sheet 1.

- Shestov, L. *Sochineniya* [Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1993. 667 pp. (In Russian)
- Shestov, L. "Literaturnyi setsession (o zhurnale «Voprosy zhizni», yanvar' – iyun' 1905)" [Literary Seession (On the journal "Questions of Life", January-June 1905)], *Nasha zhizn'*, 1905, No. 160, pp. 2–3. (In Russian)
- Schloezer, B.F. "Vyacheslav Ivanov. Borozdy i mezhi (Opyty esteticheskie i kriticheskie)" [Vyacheslav Ivanov. Furrows and Boundaries: Aesthetic and Critical Experiments], *Birzhevye vedomosti*, 1916, No. 15791, September 9, p. 5. (In Russian)
- Schloezer, B.F. "N. Berdyaev. Smysl tvorchestva (Opyt opravdaniya cheloveka)" [N. Berdyaev. The Meaning of Creativity (The Experience of Justification of Man)], *Birzhevye vedomosti*, 1916, No. 15875, October 21, p. 5. (In Russian)
- Schloezer, B.F. "Novaya metafizika (Po povodu knigi S. Franka «Predmet znaniya»)" [New Metaphysics (On the book of S. Frank "The Subject of Knowledge")], *Birzhevye vedomosti*, 1916, No. 15889, October 28, p. 6. (In Russian)
- Trubetskoi, E.N. *Metafizicheskie predpolozheniya poznaniya: Opyt preodoleniya Kanta i kantianstva* [Metaphysical Assumptions of Cognition: The Experience of Overcoming Kant and Kantianism]. Moscow: Put' Publ., 1917. 335 pp. (In Russian)
- Vysheslavtsev, B.P. *Etika Fichte. Osnovy prava i npravstvennosti v sisteme transtsendental'noi filosofii* [Ethics of Fichte. Fundamentals of Law and Morality in the System of Transcendental Philosophy]. Moscow: A. Snegireva Publ., 1914. 455 pp. (In Russian)